

Многимъ Вилль кажется недостойнымъ Доротеи (о лицахъ Дж. Эліота всегда разсуждаютъ, какъ о настоящихъ людяхъ, критикуя ихъ поступки)—а ея бракъ съ нимъ—вторичной непростительной ошибкой, вслѣдствіе которой романъ какъ бы смѣется надъ своей программой. По программѣ, говорятъ эти критики, «св. Терезы, не найдя, при данныхъ условіяхъ современной жизни, достойнаго приложенія своимъ силамъ, должны пасть въ борьбѣ, не утративъ своего нравственнаго величія, а напротивъ, возвысившись въ самомъ паденіи». Доротея же, послѣ нѣкоторыхъ превратностей, просто выходитъ замужъ за добраго малаго по взаимной склонности, дѣлается обыкновенной счастливой женщиной, и по мѣрѣ того, какъ сходитъ съ пьедестала, т.-е. выбрасываетъ бредни изъ головы, становится не выше, конечно, но несравненно милѣе и привлекательнѣе.

Совершенно вѣрно, что Доротея становится женственнѣе и привлекательнѣе по мѣрѣ того, какъ мы ее видимъ лицомъ къ лицу съ жизнью, а не въ отвлеченныхъ мечтахъ. Но мысли Дж. Эліота она остается вѣрна до конца: «обстоятельства не дали этой богатой природѣ заявить себя въ яркомъ блескѣ подвиговъ, но она, подобно другимъ высшимъ и безвѣстнымъ существамъ того же закала, несомнѣнно будетъ развивать вокругъ себя добро и счастье, способствуя въ общемъ итогѣ міровому прогрессу». Указаніе подобныхъ благотворныхъ вліяній можно видѣть изъ разговора Доротеи съ Лиджетомъ, гдѣ его участіе и довѣріе спасаютъ человѣка отъ отчаянія. Также изъ сцены съ Розамундой, гдѣ ревность двухъ женщинъ принимаетъ столь оригинальный оборотъ вслѣдствіе нравственнаго величія одной изъ нихъ; и гдѣ задушевность и доброта Доротеи вызываютъ непривычный порывъ искренности и великодушія въ мелкомъ сердцѣ Розамунды—правда, тоже задѣтой за живое и потому болѣе воспримчивой. Разсуждая о симпатичности женскихъ типовъ Дж. Эліота, рецензентъ «Cornh Mag.» ставитъ ей въ упрекъ спеціализацію занятій героинь. Задача художника лишь въ томъ, чтобы заставить, такъ сказать, влюбиться въ Ромоль и Доротею и непосредственно сознать, что онѣ «соль земли». Когда же Дж. Эліотъ приводитъ читателя къ такому чувству, не указавъ Доротеи опредѣленныхъ занятій, изъ тѣхъ же устъ слышится нелогичный приговоръ «паденія». Мнимое паденіе зависитъ не отъ того, что въ Виллѣ нѣтъ исключительныхъ талантовъ и добродѣтелей—онъ ими надѣленъ въ достаточной мѣрѣ—а просто отъ того, что портретъ его, рисованный, съ очевидной любовью, не представляетъ живого лица. Вилль—образъ, который даетъ уловить себя въ рѣд-